

Джеймс даже представить себе не мог, какими ужасами должна была наполнена жизнь Портера, чтобы юноша мог с таким спокойствием говорить о том, что он лишил себя жизни в 11 лет, что он стал платным наемником в 19 лет, что он заслужил титул "Серого лорда Европы" с широкой известностью, подтверждающей его право на это звание, или что он сражался и выжил в войне. О том, что его сын, должно быть, видел во сне, Джеймс не хотел задумываться. Он видел последствия ночных кошмаров Гарри, а теперь, после встречи с Портье, начал думать, что отказ Гарри обсуждать с ним и Лили содержание его кошмаров был вызван как стремлением оградить их от правды о том, что наполняло разум их сына по ночам, так и тем, что Гарри не хотел переживать свои кошмары в часы бодрствования. Возможно, он и не знал всех масштабов разрушений, которые Портер мог причинить миру, - смертоносная комбинация, которой являлся молодой человек, - но его сын сидел в первом ряду и, несомненно, прекрасно понимал, на что способен Портер.

И все же...

Джеймс улыбнулся, увидев сына в обнимку с новой книгой, которую он ему купил. Гарри уже несколько месяцев умолял их с Лили прислать ему средства на покупку последней книги из серии "Шпиндель Уэсли". Будучи студентом третьего курса Хогвартса, Гарри получил неограниченный доступ к книжному магазину в Хогсмиде по выходным, а это означало, что Гарри мог быть в курсе всех книжных новинок, вышедших за последние шесть месяцев. В тот момент, когда Гарри узнал, что Уэсли Спиндл выпустил следующий том из серии "Дракон", они с Лили получили очень длинное и убедительное письмо, в котором объяснялось, почему они должны выслать Гарри необходимые средства для покупки книги. Однако видеть, как светится лицо Гарри, которому подарили книгу, когда он приехал домой на пасхальные каникулы, стоило того гневного письма, которое он получил за отказ прислать Гарри требуемые галеоны.

Зевнув и постучав в дверную коробку, ведущую в гостиную, чтобы дать понять о своём присутствии, Джеймс дождался, когда Гарри признает, что он больше не единственный член семьи Поттеров, проснувшийся в столь неурочный час. Как обычно реагировал его сын на неожиданные звуки, плечи Гарри напряглись от страха, а голова дернулась вверх, чтобы найти источник звука.

"Это всего лишь я, - тихо сказал Джеймс, встретившись взглядом с бровями сына.

"Доброе утро, папа", - мягко поприветствовал Гарри в ответ, когда напряжение начало потихоньку уходить из его тела.

"Ты рано встал", - небрежно заметил Джеймс и направился к сыну. Опустившись в свое любимое кресло, он внимательно оценил общее состояние сына. Если темные круги под глазами Гарри были недостаточно красноречивы, то тот факт, что Гарри держал книгу открытой до конца второй главы, в то время как вчера вечером он закончил ее более чем наполовину, что свидетельствовало о том, что Гарри уже второй раз читает книгу, говорил о том, что Гарри, вероятно, не спал уже два или три часа. Тот факт, что Гарри читал книгу второй раз сразу после первого прочтения, говорил о том, что Гарри пытался отвлечься. Все улики сошлись воедино, прогноз: ночной кошмар, хотя и не особенно мучительный. Если бы он был тревожным, то он и весь дом уже давно бы об этом узнали.

"Ты тоже", - обвинил Гарри и переместился на удобном диване в стиле гостиной, чтобы иметь возможность сидеть, не опираясь так сильно на подлокотник дивана. Он с вызовом встретил пытливый взгляд Джеймса. "Не проверяешь меня, да?"

"Нет, я встал рано благодаря мадам Боунс. Она попросила меня прийти в кабинет пораньше,

чтобы подготовиться к суду над Мортимерами", - заверил Джеймс, оценив непокорность сына, которая свидетельствовала о его стремлении жить как можно более нормальной жизнью. Несколько лет назад он беспокоился, что Гарри никогда не сможет вырваться в самостоятельную жизнь и что кошмары, мучающие его сына, в конце концов полностью искалечат его. Он не знал, что изменилось для Гарри, но в последнее время в нем произошло нечто фундаментальное. Он был рад этому, даже если это означало, что Гарри начал отдаляться от него и Лили.

"Папа?"

Неуверенность в голосе Гарри привлекла внимание Джеймса. "Да?" - спросил он, пытливо глядя на сына.

"Разве плохо хотеть чего-то, - Гарри опустил глаза от искреннего взгляда отца, и его слова стали громче, чем едва слышный шепот, - даже если ты знаешь, что этого чего-то никогда не будет и что тебе вообще не стоит этого хотеть?"

"Это как-то связано с твоими кошмарами?" - обеспокоенно спросил Джеймс, пытаясь понять, почему Гарри задал ему такой вопрос.

"Портье много чего хочет", - сказал Гарри, опустив глаза на колени. "И хотя я не думаю, что он должен хотеть чего-то из того, что он хочет, или верить, что он может сделать так, чтобы некоторые из других вещей, которые он хочет, действительно произошли, он хочет их и каким-то образом заставляет их произойти. Сейчас он так близок... к своей последней цели... он..." Гарри закрыл глаза, пытаясь забыть то, о чём ему явно не хотелось вспоминать или думать.

"Мы говорим только о том, что Портье хочет чего-то, или о том, чего хочешь и ты?" спросил Джеймс, изо всех сил стараясь не тянуться к Гарри и не успокаивать его заверениями, как ему хотелось. Повзрослевший сын не оценил бы, что с ним "нянчатся", если бы он сам не потянулся к нему и не попросил тепла отцовских объятий.

"Это неправильно?" Гарри открыл глаза и умоляюще посмотрел на отца.

"Я бы сказал, что это зависит от того, чего ты хочешь", - ответил Джеймс на странный вопрос. "Но если ты знаешь, что не должен этого хотеть, то, возможно, и не стоит, особенно если ты знаешь, что этого никогда не случится, так как ты будешь тратить время на то, чего у тебя никогда не будет, да и вообще не должен хотеть".

Плечи Гарри опустились, и он кивнул в знак понимания, выглядя совершенно подавленным.

"Чего же ты хочешь, Гарри?" спросил Джеймс, наклоняясь вперед из потертого кожаного кресла, которое он так любил, и беря руки сына в свои. Хотя Гарри и сказал, что это то, чего он никогда не сможет иметь, если Джеймс сможет дать ему это, он сделает это. Ему было неприятно видеть, как его дети чем-то расстроены, особенно когда он мог что-то сделать. "Ты можешь рассказать мне, ты же знаешь".

"IwanttobePorteur", - слова вылетали изо рта Гарри стремительной чередой, вина и стыд заметно омрачали его юное лицо.

Джеймс резко втянул рваный воздух, его мозг застыл, отгоняя слоги и отказываясь признать признание, только что сорвавшееся с губ его сына.

"Я хочу быть Портье", - повторил Гарри, и на этот раз его голос был твердым, так как он

смотрел прямо в глаза отцу. "Я устал быть напуганным и слабым. Я устал знать то, что знаю, но не иметь возможности ничего с этим поделать, потому что все, кроме тебя, считают, что я сошел с ума, и никогда не поверят ни мне, ни тебе, если мы попытаемся им об этом рассказать. Папа, я устала от того, что люди относятся ко мне как к стеклу. Я устал от того, что мама наблюдает за мной краем глаза, как будто в любой момент у меня может случиться душевный срыв. Я устал притворяться с целителем Штраусом, что ничего из того, что я вижу по ночам, на самом деле не существует. Я не хочу... - Гарри тяжело вздохнул, в его глазах стояли слёзы разочарования и гнева. "Если и есть человек, которым я мог бы стать, если бы мне нужно было назвать одного человека, которого я уважаю больше всех, кого я знаю... это Портер".

"Гарри..." сказал Джеймс, не зная, что ответить. Он почувствовал слабую обиду от того, что сын не назвал его человеком, которого он уважал больше всех остальных и которым хотел стать, но проблема с тем, что Гарри только что сказал ему, была гораздо глубже, чем его собственная уязвленная гордость.

"Это неправильно?" потребовал Гарри. "Разве это неправильно - хотеть быть им?"

"Нет", - это слово скользнуло по языку Джеймса и прозвучало, прежде чем он успел его обдумать.

Джеймс так и не смог выяснить у Гарри, почему его сын так уважает Портера. Однако тот факт, что сын уважал Портера даже больше, чем он сам, ставил его в затруднительное положение. Учитывая, что Портье теперь здесь, а Гарри отсутствует, Джеймс мог только доверять сыну и полагаться на его инстинкты. Его сын не был плохим знатоком характера. Более того, Гарри вообще очень хорошо разбирался в людях. Поэтому то, что Гарри уважал и присматривался к Портеру, даже если тот был таким непостоянным и опасным, означало, что Гарри видел в Портере что-то такое во сне, чего еще не видел сам.

Джеймс с удивлением обнаружил, что подошёл к берегу пруда, расположенного в лесу за задним садом коттеджа его семьи. В своих рассеянных блужданиях он пришел к тому самому месту, куда намеревался удалиться до того, как Лили накричала на него за уход. Он поморщился при этом воспоминании, понимая, что всей этой ситуации можно было избежать.

"Это будут долгие дни, старина", - сказал он своему изможденному отражению, понимая, что Портер был прав. Попытки убедить Лили и остальных в том, что Гарри не болен и что Портер был настоящим, привели лишь к тому, что Ремус и Сириус посмотрели на него так, будто он сошёл с ума, и вызвали ненужную ссору между ним и Лили.

Присев на валун, который давно стал его местом отдыха у этого пруда, Джеймс вздохнул. Он чувствовал себя таким беспомощным, таким бесполезным. Он мог бы вместе с Сириусом и Ремусом искать все места, куда мог убежать "Гарри", но не мог заставить себя тратить силы на такое бессмысленное занятие. Он точно знал, где находится Портер, а Портер был тем, кого они действительно искали. Нет, поиски Гарри принесут ему столько же пользы, сколько поиски фирменной крышки от бутылки с батарбиро, которую он потерял в детстве, летом между вторым и третьим курсами Хогвартса.

Единственное, что он мог сделать сейчас, - это постараться не дать беспокойству о безопасности и благополучии сына поглотить его и всю его семью. Через несколько минут он вернётся в дом и постарается загладить свою вину перед Лили, утешить Бетани и, возможно, придумать что-нибудь такое, что позволит им всем почувствовать себя хоть немного полезными в деле возвращения Гарри к ним, несмотря на то, что возвращение Гарри полностью зависит от Портера, совершенно незнакомого им человека.

<http://tl.rulate.ru/book/114338/4421352>